

Лариса Ивановна, ощущение, что в кино и особенно в театре вам удалось напасть на "свой" тип женщины, глубоко и сильно чувствующей, но при этом внешне сдержанной, закрытой. Часто вы "допримываете" своих героинь?

— Знаете, я росла в деревне и воспитана была в почтении перед старшими и перед людьми, которые над тобой поставлены. Уважительное, можно даже сказать, рабское отношение к тому, кто тобой руководит, в меня вколочено с детства. И к режиссеру я всегда испытываю полное доверие. Может, потому еще, что сама окончила режиссерский факультет. Конечно, что-то в роли придумываешь сама. Например, в финале спектакля "С любимыми не расставайтесь" героиня встречается с мужем в больнице, и в сценарии Александра Володина последние слова были примерно такие: "Приходи ко мне почаще, иначе я и на самом деле заболею". А мне казалось, что для театра этого недостаточно, нужен какой-то резкий поворот, вывих. Вот и сочинила своей Кате крик: "Я скукаю по тебе!"

Но чаще все-таки ждала предложений, а не надо было бы. Я себя за многие фильмы корю: не проявила инициативы, не сделала роль сама. И за то, что никогда не просила ролей, а отказывалась часто. Раньше произносила это с гордостью: вот я какая! А теперь понимаю, что это и есть гордыня, за нее судьба наказывает. Потому что, если я имею от природы какую-то одаренность, сумму способностей, моей заслуги в том нет. Их мне поручили, доверили под мою ответственность. И приди я попроси какую-то роль, ничего бы ззорного в том не было. А теперь уже поздно: многое прошло мимо меня, да и просить я на всю жизнь отучена.

— Похоже, вы из породы самодедов, себя грызущих...

— Не могу сказать, что я — человек, который казнит, ругает себя за все. Может, была склонна к этому раньше, но стараюсь работать над собой, совершенствоваться с возрастом. И потом, у меня, как муж говорит, дурная донская кровь. Рядом со скромностью на грани самоуничтожения такие вдруг наглость, бахвальство — прямо шашки наголо и вперед! У меня и дед страшный бахвал был, любил героические истории о себе рассказывать. Как, например, его в самолет не хотели брать, а он уцепился за хвост и полетел. Ну дончак такой — у нас там чего только не услышишь. Да и как без фантазий? Мне одна женщина-психолог сказала: если человек никогда не лжет, его надо лечить, потому что, если ты нормален, обязательно что-то приукрашиваешь, преувеличиваешь. Да и были бы мы идеальными, на крыльях летали бы в облаках. А раз на эту землю рождены, значит, чего-то недоделали в прежней жизни в совершенствовании своей души.

— Кто были ваши родители?

— Родилась я в Ростовской области, в селе Федоровка, недалеко от Таганрога — родины Чехова. Поэтому к Антону Павловичу испытываю родственные чувства, чувствую себя травинкой у подножия его пьестала. Когда мне было тринадцать, семья переехала в Краснодар. Мама у меня — украинка, отец — русский, но в его фамилии корень украинский: "малеванный", что значит "рисованный". А произносится она на донской лад с другим ударением — Малеванный. С папой у всей семьи отношения были сложные, он работал водителем троллейбуса, очень пил. Хотя человек был крепкий, удачливый: войну прошел без единой царапины, первую пломбу в пятьдесят лет сделал. А мама, напротив, — хрупкая, болезненная. Она была школьной учительницей, нас, детей, у нее было четверо. Маму я обожала и к ее родственникам относилась восторженно.

Так иногда хочется поплакать на коленях у бабушки, прабабушки или чтоб мама по голове погладила, когда уста-

В театре она работает уже тридцать лет, в кино — чуть меньше, кинодебютом стала роль Нюры, героини фильма "В день свадьбы". И дальше ей доставались характеры неординарные, взять хоть сыгранных в фильмах Петра Тодоровского мать "интердевочки" или брошенную жену ("Анкор, еще анкор"). И сама Лариса МАЛЕВАННАЯ — из тех, кого считают натурами сильными, незаурядными. Тем неожиданнее было услышать от нее:

Хочу быть слабой...

нень. А тогда это было на каждом шагу. Хотя я, маленькая скажем, очень сердилась на свою прабабушку за то, что та утром поспать не давала. В полвосьмого, бывало, уже слышишь: "Вставай! Гусям надо водички свежей в корыто налить, поросят покормить, потом серп взять и пойти покосить, фрукты собрать..." Я сердилась ужасно — ведь каникулы! А сейчас думаю: и что бы со мной без прабабушки было? Я же от природы очень ленива, а благодаря ей так теперь люблю работать! Даже телевизор не могу просто так смотреть, обязательно должна руками что-то делать: штопать, вязать, подшивать, гладить...

— А когда вы почувствовали, что будете актрисой?

— Когда мне лет пять было, наверное. Надевала мамину юбку-клеш — ее "цыганской" называли, мамини туфли, красила губы теткой помадой. Когда постарше стала, собирала в селе народ, организовывала какие-то концерты, спектакли. Говорила, что буду артисткой, и все вокруг: да-да, конечно! Ну а когда заканчивала школу, заметила, что слова эти воспринимаются уже без восторга. И близкие мне тогда стали говорить: "Да что ты, перестань. Ладно, маленькая была, дурачилась. А сейчас какая артистка? Ты посмотри на себя в зеркало. Вот Аллочка, сестра твоя, уж такая красавица, а не хочет в артистки, и правильно. А ты? И некрасивая, и тихая такая, скромная..."

В общем, убедили, пошла я в пединститут. Проучилась три с половиной года и поняла: еще немного — получу диплом, придется его два года "отрабатывать". А в театральном-то принимают до двадцати двух... Ну и забрала документы, поехала в Ленинград как бы на разведку. Поступала в театральный институт на режиссерский, потому что была уверена: на актерский не попаду сразу, а мне уже двадцать один. То ли дело на режиссуру — принимают до тридцати шести. Уж за пятнадцать лет как-нибудь пробьюсь. И, конечно, не ожидала, что так быстро поступлю.

— Потом были Красноярский ТЮЗ, Ленинградский театр имени Ленинского комсомола, успех, положение "первой" актрисы. И работа преимущественно с мужем — Геннадием Опоковым. Каково быть женой главного режиссера?

— Это кошмар! Гена по природе абсолютно не подходил на главного режиссера. И когда ему предложили театр, первый, кто не советовал, — я. Нас тогда вдвоем звали в Большой драматический. Но Георгий Александрович Товстоногов Геннадия прямиком текстом сказал: "Исторически так сложилось, что мой театр — театр монорежиссуры. Поэтому, если вы сюда придете, будете конечно же моим по-

мощником, на подхвате". Мы подумали, посоветовались с друзьями — и пошли в Ленком. Но, думаю, в назначении мужа на должность главного режиссера во многом была причина нашего разлада. У него мне и от ролей приходилось отказываться, и заступаться за других актрис, хлопотать для них роли, а они все равно были недовольны, меня не любили. Если я на репетициях иногда "возникала", спорила, вокруг такой "шорох" был: вот, жена с мужем все время ругаются. И анонимные письма были, и много чего.

Наверное, со мной трудно. Понимаю, насколько другие женщины терпеливее, снисходительнее, больше умеют прощать, чем я, хоть я и расширяюсь в лепешку в семье. Но я — из таких женщин, которым нужен один муж на всю жизнь. И чтоб обязательно однолюбом. Попался бы мне такой в свое время, ноги бы ему мыла. А менять мужей — это не

мое. Когда мне очень давно нагадали, что у меня будет второй муж, я, помню, сказала: "У меня? Никогда в жизни! В нашей деревне женщины выходили замуж второй раз, только когда их мужья погибали на войне. Да и то не каждая". Но вот так случилось...

С Геной мы двенадцать лет прожили. Говорят, от главных режиссеров никогда не уходят. Так что я — редкий экземпляр. Наверное, это моя гордыня. Но, думаю, дело не только в этом. Просто не могла с какими-то вещами смириться. Мне говорили: все же как-то живут. Но я не хочу как все. Если верить разным умным книжкам, над нами витает нечто, которое академик Вернадский называл ноосферой, "мыслящей оболочкой" Земли. И формируем ее мы сами, формируем наше настроение, состояние.

Сама убедилась, что с помощью воображения и всяких энергетических фокусов можно лечить себя и других. Замечаю, что, если я хорошо настроена, люди, пообщавшись со мной, чувствуют себя лучше. Однажды попробовала свои возможности в метро. Ехали со знакомой — и в вагон вошел мальчик, похожий "наколотый" и очень агрессивный, так и ищет кого ударить. И я попробовала на него настроиться. Пожала, как заброшенного ребенка, обратилась к нему мысленно: "Милый мой, дорогой, у тебя трудная жизнь, но ты не виновай, тебя до этого довели, успокойся..." И мысленно же погладила его по голове. И вдруг этот парень сник — и как заплачет. Я была потрясена. Хотя, может, это совпадение, не знаю.

— Скоро два десятилетия, как вы — актриса Ленинградского Большого драматического театра. Считаете это счастливым поворотом своей судьбы?

— Судите сами. В восьмидесят втором сыграла там Елену Андреевну в "Дяде Ване", после того как назначенная на эту роль актриса не справилась. В восьмидесят третьем меня "бросили" в спектакль "Мещане" — заболела Эмилия Анатольевна Попова, исполнительница роли Татьяны. Я ее очень люблю и как актрису, и как человека, она мне так помогла — просто за руку водила на репетициях, из-за кулис подсказывала монологи, принесла стихи Тютчева, на которые наткнулась, когда сама готовила Татьяну. Следом была назначена на роль Ольги в спектакле "Сад без земли" вместо заболевшей Светланы Крючковой. Еще была работа в очень посредственной пьесе "Я построил дом", эпизоды в спектаклях "Перечитывая заповеди..." и "Дворянское гнездо". И все. За одиннадцать лет — одна роль и два эпизода!

И еще на меня здесь обижаются, что пошла преподавать в театральный институт, выучила курс и создала свой те-

атр. А что делать-то? На что же надо себя тратить. Слава Богу, хоть недавно сыграла в БДТ Софью в "Последних". Сейчас о Горьком говорят как об авторе одиозном, но я всегда очень любила его прозу. А к драматургии относилась посредственно: много назидательности, герои разговаривают какими-то вымороженными афоризмами. Но когда стало модным Горького "лягать", отношение изменилось, может, из вечного донского "вопрекизма". И Софья, как мне кажется, моя роль. Я тоже была рождена человеком категоричным, делила мир на черное — белое, была очень требовательна, не умела прощать, да и сейчас это трудно дается. Но в этом, наверное, и есть смысл жизни любого человека — не быть стопроцентно безукоризненным, а понимать, что в тебе не так, и одолевать это, барахтаться, стремиться к идеалу, пусть и далекому.

— В своем театре вы — и руководитель, и режиссер, и акт-

вы такая ленинградская актриса. До Ленинграда чувствовала себя не совсем уютно везде, как гусенок в куриной стайке. А приехала и сразу влюбилась в этот город, в его прямые улицы — как раз для меня с моим прямолинейным характером, любовью к ясности и простоте.

— В вашем втором браке театр и жизнь снова переплелись. От этого тяжелее или легче?

— Не знаю. Изначально была большая любовь, непонятно откуда взявшаяся и оглушавшая нас обоих. Потом — очень трудная жизнь и много всякого разного. Мы повязаны своим театром, он нас очень породнил, это наше дитя. Но вот характеры у нас полярно противоположные, отсюда сложности. Хотя, будь мы с Олегом идеальной парой, что бы это нам дало? А так мы учителя друг другу. Поначалу я пыталась ему указывать все время на какие-то непереносимые для меня черты его характера, но поняла:

моего сына Сашу с женой и тремя детьми. И для меня принимать их было огромным счастьем, хотя в квартире все было, конечно, вверх дном. Внуки и я нарядились пиратами, вооружились кто пером, кто ложкой, потребовали у гостей драгоценности. Потом застали моего сына с сигаретой на лестнице и тут же сочинили целый спектакль — о борьбе с курением и пьянством.

— На себя хоть время остается?

— Тут похвастаться нечем. Не могу сказать, что хорошо одета: все, что на мне, как правило, связано либо шито мною самой. Понимаю, конечно, что о себе надо заботиться, — делаю зарядку, массаж, когда уж совсем припечет. Обливаю холодной водой, ведра по три-четыре, иначе я просто не человек. Стараюсь изживать собственные недостатки. Например, иногда бываю невозможно расточительной, могу друзьям последнюю рубашку отдать, а иногда — безумно мелочной, знаете, деревенское такое — считать каждую копейку.

Ну и очень люблю поесть, особенно пироги, булочки. Самый мой любимый — пирог с курагой, может, потому, что мне его мама на день рождения пекла. А теперь сама норовлю им угостить, если человек мне нравится. И такого труда стоит удержать себя от излишеств, сесть на диету. Например, по китайскому рецепту: есть каши из недробленых круп — пшена, риса, гречи, овса... С вечера замачиваешь, утром варишь на воде, ничего не добавляя — ни молока, ни масла, ни соли, ни сахара. И дней десять или хотя бы неделю ешь только это и пьешь зеленый чай, который выводит из организма нитраты. Гадость? Конечно! Но вы попробуете жевать и думать о приятном. Например, о том, что благодаря этому похудеете килограммов на шесть, мозги приведете в порядок, позвоночник, помолodeет, глаза будут блестящие...

— В "новые времена" вам удалось вписаться? Не тяготит сегодняшняя жизнь?

— Меня не тяготит. Могу беспокоиться, сожалеть по поводу каких-то вещей, расплакаться у телевизора после "Новостей" из-за того, что гибнут люди, а ты ничего не можешь изменить. Это ощущение собственного бессилия угнетает ужасно. Но я счастливая — никогда не живу в прошлом. И не понимаю людей, которые говорят: эх, вот было... Ну, было и сплыло. Конечно, с удовольствием вспоминаю времена, скажем, Красноярского ТЮЗа — там была молодость. Но ведь я тогда была неотесанная колода, очень многого не умела. А сейчас так много умею, знаю. И потом, я не могу жалеть о временах, когда по спектаклю "Сад без земли" коллегия могла сделать сто с чем-то поправок. Девочки и мальчики из управления культуры, из министерства учили жить великого мастера! Какие-то поправки Товстоногов отверг, но шестьдесят четыре остались, и мы их спешно заучивали, чтоб разрешили премьеру. Так что пусть время идет. У меня нет панического отношения к этому. И хоть живу не скажешь чтоб радостно, старею, болею — стараюсь не отчаиваться.

— Значит, своей долей довольны?

— Ну конечно же нет. Я считаю, что достойна лучшего. Например, играть в БДТ хотя бы один раз в два сезона новую роль. Но это раньше я думала, что хорошее в жизни само собой разумеется. Сейчас же научилась принимать его как подарок. Мую жизнь очень осложняет то, что я — сильная. Это не самое лучшее, что природа-матушка придумала со мной. Я бы очень хотела быть слабой. Но это удается очень редко.

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА.

Фото Б. СТУКАЛОВА.

Санкт-Петербург — Москва.

риса, а ваш муж, актер БДТ Олег Пальмов, — директор. В семейном предпринятии легче работаете?

— Мы никогда не ставили целью сделать театр для меня или для Пальмова. Затевали его для молодых талантливых людей — актеров, режиссеров. Ну и чтобы мы оба могли иногда играть, я — что-то ставить, поскольку у меня режиссерский диплом, да еще с отличием. Но только сейчас я впервые буду играть в своем театре — домовладелицу в пьесе Фугарда "Здесь живут люди", давно знаменитой за рубежом. На постановку пригласили очень интересного режиссера Владислава Фурмана, но сейчас временно простаиваем — нет денег на оформление. Нас шестой год тянет Балтийский завод, который и сам, спотыкаясь, бредет по этой жизни. И я ценю это на вес золота.

Вообще, если я верно понимаю усвоенные из книжек премудрости, каждый из нас явился в мир с каким-то поручением. Но не с однозначным: ты должен поехать в такой-то город, организовать там театр или, скажем, сапожнику мастерскую — а с поручением духовного порядка. И дальше все зависит от твоей инициативы, от того, как точно угадаешь свое место. Мне кажется, я угадала и свое место, и свой город. Знаете, когда я еще жила в деревне, мне Ленинград по ночам снился, что-то туда звало, картинки о нем собирала. Меня несколько раз звали в Москву, но попытки перебраться кончались как-то неудачно — и все опять возвращало сюда. Забавно, я же южная женщина, деревенщина, а мне всегда говорили:

ни к чему, кроме развода, это не приведет. И набралась терпения. А Олег на какие-то мои недостатки обратил мое внимание. Сама я их не замечала, думала, что святая, идеал для подражания. И вот мы уже восемнадцать лет вместе и только сейчас, может быть, подобрались к желанному состоянию равновесия. Наверное, когда нам будет уже по семьдесят, окончательно поймем друг друга, простим, примемся и станем идеальной парой.

— Когда случаются семейные конфликты, кто из вас первым уступает?

— Олег-то считает, что он. А я убеждена, что я. Но это обычно. К тому же у нас в смысле быта никогда не было претензий друг к другу. Надо отдать Олегу Константиновичу должное: пока не задиректорствовался, и ведро выносил, и в магазин ходил. Бывало, конечно, иногда — придет и ляжет на диван, потому что у него депрессия. Я, ни слова не говоря, и постираю, и поглажу, и с пылесосом всю квартиру пройду. Знаю: когда сама буду хандрить, сяду с куклой или с шитьем или в парк уйду гулять, а он все по дому сделает. Но, как правило, все, что могу, делаю сама, стараюсь ни о чем не просить. Когда тыкаешь: сделай то, сделай это, ничего, кроме раздражения, в ответ не получаешь.

— Есть домашние обязанности, которые вы выполняете с удовольствием?

— Люблю приготовить вкусно, накормить. Тут у Олега был день рождения, так мы пригласили его племянника, замечательного пианиста Вадима Пальмова, с родными,